

О КУЛЬТУРЕ СОХРАНЕНИЯ ГОРОДСКОЙ ПАМЯТИ НА ПРИМЕРЕ УТРАЧЕННЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ ЕКАТЕРИНБУРГА

Федорова Мария Сергеевна,

кандидат архитектуры, доцент,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
ORCID 0000-0002-1993-9056,
Россия, Екатеринбург,
e-mail: m.s.fedorova@yandex.ru

Холодова Людмила Петровна,

доктор архитектуры, профессор,
Уральский государственный архитектурно-художественный университет имени Н.С. Алфёрова,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, Екатеринбург,
e-mail: lph@usaaa.ru

УДК: 72.01

Шифр научной специальности: 2.1.11

DOI: 10.47055/19904126_2025_2(90)_4

Аннотация

Архитектура на протяжении веков выступала в роли надежного инструмента для сохранения наследия, передачи информации, знаний, технологий и истории от одного поколения к другому. Утрата значимых объектов прошлого прерывает эту преемственность. Вопрос о взаимосвязи памяти и архитектуры не нов и неоднократно рассматривался в различных областях знания, однако в самой архитектурной феноменологии ему уделяется недостаточное внимание. Авторы стремятся исследовать, как долго сохраняется память об утраченных городских объектах и как формируется культура памяти в городской среде.

Ключевые слова:

память, забвение, живая память, помнящая культура, наследие

THE CULTURE OF PRESERVING URBAN MEMORY ON THE EXAMPLE OF THE LOST ARCHITECTURAL OBJECTS OF YEKATERINBURG

Fedorova Maria S.,

PhD (Architecture), Associate Professor,
Ural Federal University,
ORCID 0000-0002-1993-9056,
Russia, Yekaterinburg,
e-mail: m.s.fedorova@yandex.ru

Kholodova Lyudmila P.,

DSc. (Architecture), Professor,
Ural State University of Architecture and Art,
Ural Federal University,
Russia, Yekaterinburg,
e-mail: lph@usaaa.ru

УДК: 72.01

Шифр научной специальности: 2.1.11

DOI: 10.47055/19904126_2025_2(90)_4

Abstract

For many centuries, architecture has been one of the most reliable ways to preserve heritage, transfer information, knowledge, technology, and history from generation to generation. The loss of significant objects from the past interrupts this continuity. Connection between memory and architecture is not a new topic; it has been repeatedly considered by other disciplines, but not much attention has been paid to it in architecture itself. The authors focus on how long the memory of lost urban sites continues to exist and how a mindful urban culture is formed.

Keywords:

memory, oblivion, living memory, remembering culture, heritage

**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
No 23-78- 01060. URL: <https://rscf.ru/project/23-78-01060/>**

Архитектура имеет множество определений и трактовок и бесспорна прочная связь, существующая между архитектурой и памятью, «здание – всегда инструмент памяти» [1]. «Архитектура – застывшая музыка», это устойчивое определение погружает нас в исследование отношений памяти человека и тех образов, которые были реализованы архитектурным произведением и впоследствии утрачены. Сроки жизни зданий превосходят жизнь одного поколения, мы сегодня эксплуатируем объекты, созданные нашими предшественниками, ходим по улицам, названным в честь великих героев прошлого, участвуя сознательно или бессознательно в процессах воспоминания и формирования новых воспоминаний.

В городской среде воспоминания повсюду: план города, в котором часто видна невооруженным глазом историческая и современная часть, памятники и достопримечательности, объекты культурного наследия – артефакты из прошлого, надолго занявшие свое место в городской среде. От того, какие объекты в городской среде остаются, сохраняя за собой право напоминать о прошлом, а какие исчезают бесследно, зависит будущее любого города. «Общества, вырабатывая культуру памяти о прошлом, продуцируют собственные воображаемые образы и проносят свою идентичность сквозь смену поколений; и делают они это – что для нас наиболее важно – совершенно по-разному» [2], таким образом, то, что сносится и то, что остается в городской среде – тоже инструмент памяти и забвения. В исследовании памяти и забвения как феномена культуры Г.В. Лебедева выделяет две парадигмы: классическую и неклассическую и в соответствии с ними дифференцирует две соперничающие версии памяти: «память как хранилище прошлого», «забвение как утрата доступа к прошлому, стирание и уничтожение мнемических следов» и «память как «ретроактивный процесс» и «забвение как резерв, условие восприятия нового» [3]. С этой точки зрения архитектура относится к классической парадигме, она

создается в определенный исторических период, фиксируя представления о том, как должен выглядеть тот или иной архитектурный объект, применяются традиционные для выбранного временного отрезка технологии и материалы, сохраняется память о владельцах и создателях, а уничтожение архитектурного объекта приводит к стиранию и уничтожению этой материальной, казалось бы самой долговечной памяти, способной преодолеть разрыв поколений.

В этой связи представляет интерес мнение Н.Л. Мысливца, который выделяет два варианта памяти: с одной стороны, «память материализованная, воплощенная, прежде всего, в городских зданиях и различного рода сооружениях, выступающих в качестве наиболее знаковых и масштабных символов и артефактов прошлого», с другой – «память нематериальная, воспоминания жителей города» [4]. Одно не существует без другого, без «живой» памяти самих жителей, понимания символов и ритуалов городские объекты превратятся в «заброшенные и немые» [5]. М. Пруст в работе, посвященной положению закона об отделении церкви от государства, описывает, как благодаря «сохранности неизменных ритуалов» и «веры в сердцах французов» многовековые католические церкви продолжают жить «полноценной жизнью», отвечать цели, «ради которой они создавались» [5], избегая незавидной участи утраты культуры.

Рассматриваемая тема актуальна и востребована с точки зрения архитектурной феноменологии, в центре внимания которой всегда находился человек, воспринимающий искусственную среду и те изменения, которые влияют на это восприятие [6]. Увеличивающаяся с годами вовлеченность горожан в вопросы сохранения наследия создает предпосылки для формирования новых направлений исследований с позиции архитектурной феноменологии. Основные научные положения феноменологии основывались на «возвращении к вещам» [7] в противовес абстракциям и умопостроениям. Через преодоление дистанции отчуждения от мира, созданной технологиями, глобализацией, урбанизацией, рационализмом мышления, человек ищет средства для того, чтобы вновь обрести гармонию и почувствовать связь с окружающей средой.

Связь между архитектурой (как памятью материальной и застывшей) и горожанами (как носителями живой памяти, с этой архитектурой в различной степени связанными) оказывается близкой многим дисциплинам одновременно, но в исследовательском поле архитектуры рассматривается не так часто и детально, как в других науках.

Круг вопросов, связанных с тем, какую память об утраченном историко-культурном наследии сохраняют горожане, как долго она хранится, как формируется коллективная память и как она теряется, требуют внимания и некоторого объяснения. Тема памяти в архитектуре, возможно, не становилась предметом повышенного интереса ранее в силу того, что большинство городских объектов не рассматривались как места хранения памяти (исключим из этого списка библиотеки, музеи и архивы, т. е. объекты, создаваемые намеренно для сохранения исторической памяти, которые изначально получали большую долю внимания), но сегодня, наблюдая очередное разрушение исторического здания, градозащитники говорят об утрате коллективной памяти, об утрате идентичности [8]. Что же утрачивается в момент разрушения исторического здания или ценного (в глазах горожан) архитектурного объекта? Только ли материальная оболочка, так долго справлявшаяся с испытаниями временем и патиной, или шанс на вечное сохранение и в памяти последующих поколений? И как объясняется этот интерес к городским изменениям с точки зрения архитектурной феноменологии.

Методология

В качестве отправной точки воспользуемся тезисом Н.Л. Мысливца: «Без горожан – «носителей» городской культуры – город не существует», чтобы понять насколько прочна память горожан и как связаны между собой материальная память, воплощенная в зданиях, сооружениях,

памятниках и память нематериальная, память жителей города [4]. В. Басс задается вопросом: «Как монументы воспроизводят память?» [1], в представлении Я. Ассмана немецкого египтолога, религиоведа и культуролога, культурная память в «помнящей культуре» неизменно задается вопросом: «Чего нам нельзя забыть?» [2]. В нашем случае исследовательский вопрос сформулирован так: «Как долго горожане способны хранить воспоминания после разрушения монумента?»

Память авторами рассматривается как одна из стадий жизненного цикла здания [9]. В традиционной модели жизненный цикл здания обычно заканчивается его ликвидацией, но на этапах проектирования, разработки технического задания и предпроектного анализа здание как материальный объект еще не существует, это всего лишь идея, которая может стать реальностью или остаться в мире идей, при этом упомянутые стадии всегда рассматриваются как неотъемлемая часть жизненного цикла. Продолжая эту мысль, кажется логичным рассмотреть, как долго объект живет в памяти горожан после своей ликвидации.

Исследования, в которых так или иначе затрагивалась тема связи памяти и архитектуры, можно условно разделить по тематикам:

– места памяти или *zeitgeist*, несмотря на распространенность самого термина, существует несколько различных толкований. Так, у Н.Л. Мысливца место памяти представляет собой «единство материального и духовного», которое «со временем становится символическим элементом наследия национальной памяти социума» [2], у П. Нора места памяти объединены в трех смыслах – материальном, символическом и функциональном, к ним в равной степени относятся как материальные объекты, например Пантеон в Париже или монастыри, так и книги, песни, события, люди [10];

– институциональные инфраструктуры городской коммеморации; большинство исследователей относят к ним музеи, библиотеки, архивы. Но дальнейший список может отличаться, так, у Н.Л. Мысливца список этот дополнен архитектурными и иными памятниками, экскурсионными бюро. Все упомянутые объекты являются «хранителями исторической памяти» [11], все единицы хранения структурированы, а все гипотезы относительно происхождения, использования подтверждаются фактами, в этой строго выстроенной иерархии нет места множественности, а архитектура выступает вместилищем для размещения ценных экспонатов, при этом и само здание может быть историческим, самой грандиозной из всех единиц хранения;

– коллективная память, описанная в теории М. Хальбваса, понимается как общая, разделяемая всеми членами социальной группы информация о прошлом, при этом «каждая коллективная память требует поддержки группы, ограниченной в пространстве и времени», коллективная память множественна, в ней отсутствует строгое разделение на этапы, которые характерны для истории [12]. Т.П. Емельянова в мультидисциплинарном анализе коллективной памяти подчеркивает ее автономность от памяти исторической, она «содержит живые воспоминания, сведения о неофициальных фактах и версиях, итог собственного размышления людей» [13], архитектура в коллективной памяти может служить объектом общих воспоминаний, при этом разные социальные группы будут иметь различные коллективные воспоминания об объекте;

– культурная память и ее связь с архитектурой. В этом направлении наиболее близкими к рассматриваемой теме являются исследования Яна Ассмана. Согласно Я. Ассману архитектура относится к предметной памяти, которая показывает человеку «собственное отражение, напоминают ему о нем самом, о его прошлом, о его предках и т. д.» [2]. Он также выделяет память культурную и коммуникативную, первая «направлена на фиксированные моменты в прошлом», вторая «охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым» [2];

– «сооружения мемориального жанра» [1] или кладбища, оссуарии и колумбарии, и. соответственно. мемориальная архитектура. Выразительность мемориальной архитектуры, ее путь развития и особенности формирования также часто рассматривались в научной литературе [14];

Согласно Я. Ассману «только с наступлением конца, радикальной невозможности продолжения, жизнь обретает форму прошлого, на котором может основываться помнящая культура» [2], поэтому утрата наследия может рассматриваться как один из важных этапов в формировании памяти и исследовании памяти. Угроза сноса порождает переоценку значимости объекта, провоцирует волну коллективного воспоминания и формирования новой версии прошлого объекта, который в скором времени будет разрушен: «Смыслы в прошлом не живут, они туда привносятся» [15].

Результаты

Для более предметного изучения темы памяти было проведено два эксперимента на примере трех конкретных зданий, существовавших в Екатеринбурге. В первом эксперименте студентам 1-го курса магистратуры по направлениям «Архитектура» и «Проектирование зданий по критериям устойчивого развития» было предложено выбрать один из 6 вариантов схематичных изображений снесенной в 2018 г. телебашни (рис. 1). Телебашня была одним из узнаваемых символов Екатеринбурга, и горожане тяжело переживали ее утрату, как городской символ и миф она продолжает жить даже после сноса. Студенты в последние годы могли ее видеть лишь на фото. В качестве переменных были выбраны высота, силуэт, форма завершения, размещение отверстий. Правильный ответ был лишь один, номер 2.

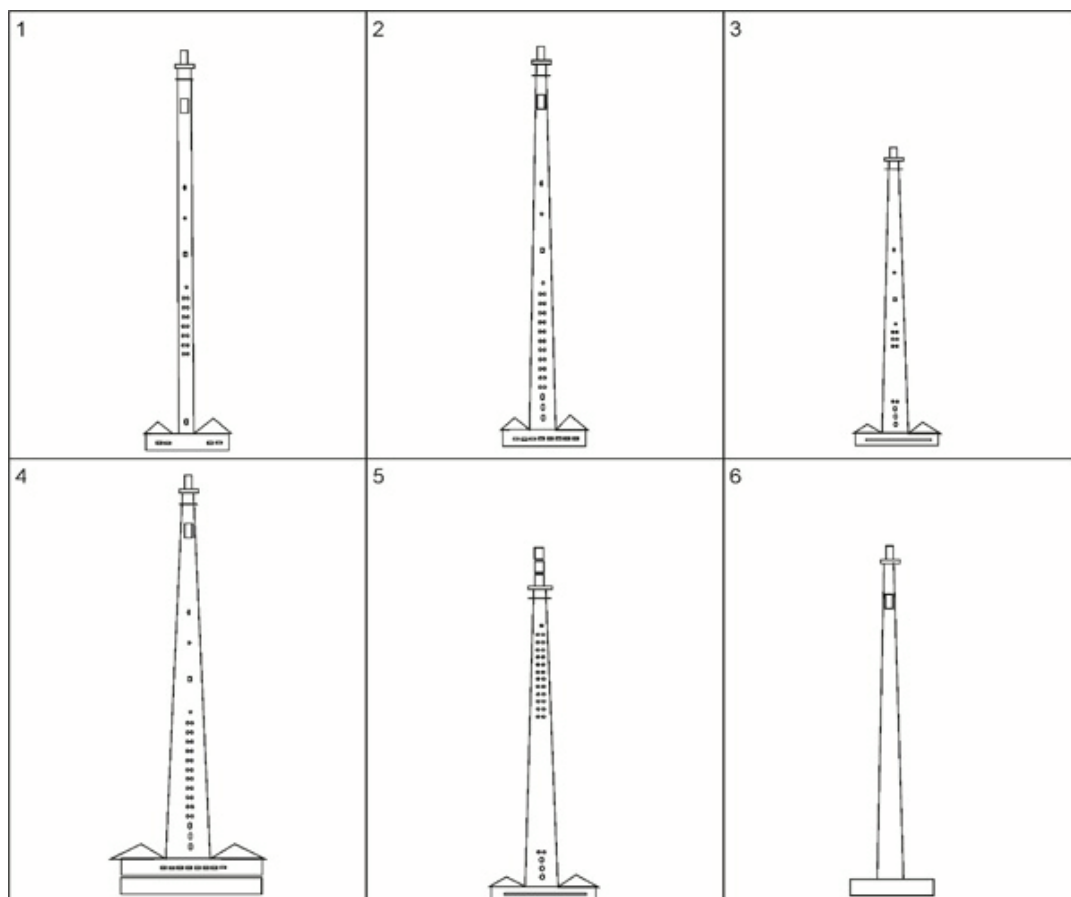

Рис. 1. Задание на память – выбрать из шести вариантов чертеж, соответствующий снесенной в 2018 г. телебашне.

Сост. М.С. Федорова

Студентам было дано 5 минут на выбор одного изображения, пользоваться телефоном было запрещено. Из семнадцати человек правильный вариант выбрали лишь трое. Несмотря на высокую степень узнаваемости самого объекта и его недавнюю утрату, выбрать из похожих друг на друга вариантов верный оказалось непростой задачей.

Небольшое число респондентов в первом эксперименте не позволяют делать обоснованные выводы относительно продолжительности памяти, выявляя лишь очевидные закономерности, хорошо знакомый, ежедневно наблюдаемый объект легко воспроизводится по памяти, а объект, удаленный из среды, постепенно стирается из памяти.

Второй эксперимент был проведен в январе 2025 г. с помощью платформы «Анкетолог», в исследовании приняло участие 100 человек (29 мужчин и 71 женщина), 82 % опрошенных – в возрасте от 30 до 59 лет, 9 % опрошенных – от 18 до 29 лет, 9 % – от 60 до 79. Респондентам было предложено ответить на три вопроса:

- На какой из 6 схем изображена телебашня, снесенная в 2018 г. в Екатеринбурге? (рис. 2)

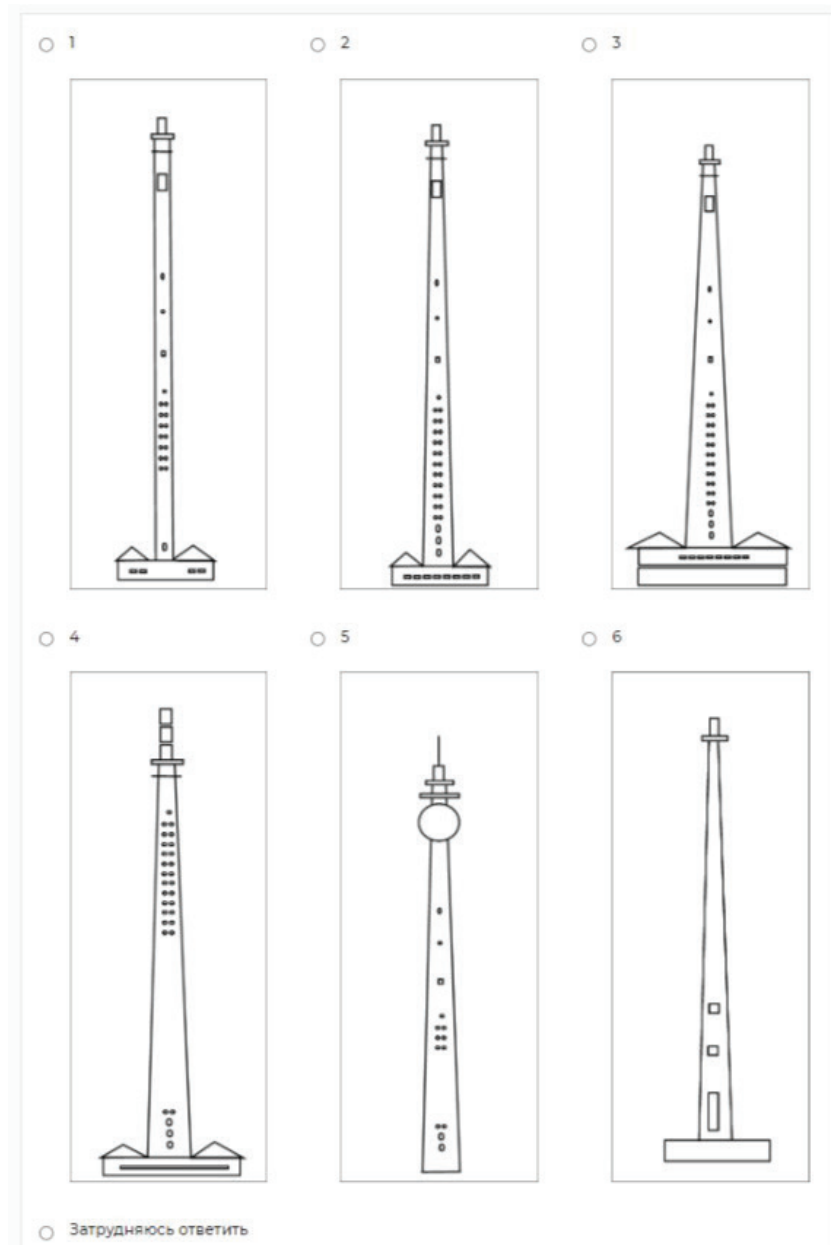

Рис. 2. Задание на память – выбрать из шести вариантов чертеж, соответствующий снесенной в 2018 г. телебашне.
Сост. М.С. Федорова

- На какой из 6 схем изображен Дом горного землемера Ярутина, снесенный в 2009 г. (ул. Белинского,3) (рис. 3)?

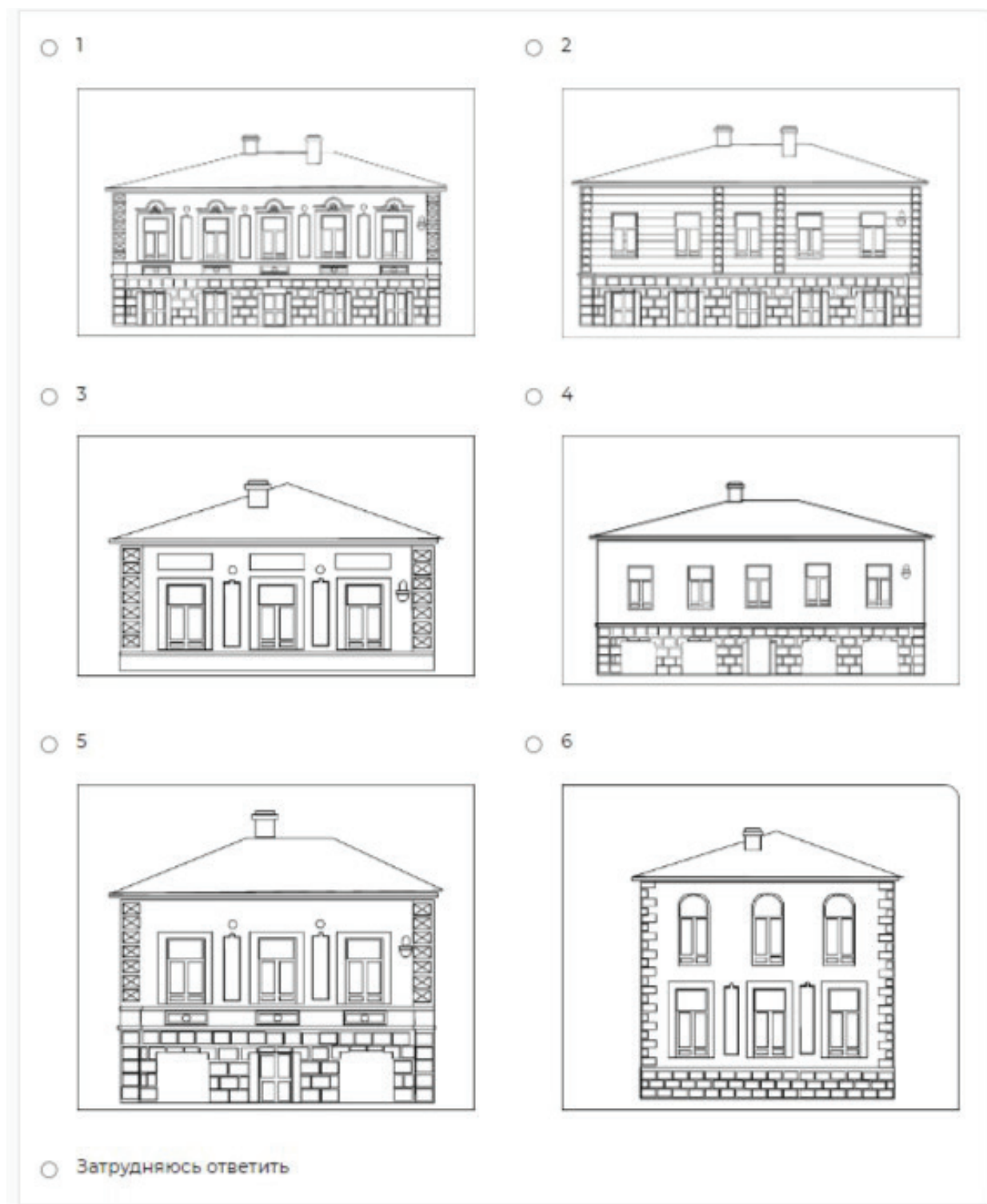

Рис. 3. Задание на память – выбрать из шести вариантов чертеж, соответствующий дому горного землемера Ярутина.
Сост. М.С. Федорова

- На каком из изображений представлен Екатерининский горный собор, снесенный в 1930 г. (рис. 4)?

Рис. 4. Задание на память – выбрать из шести вариантов чертеж, соответствующий снесенному Екатерининскому собору:
 1 – Екатерининский собор в Царском Селе, 2 – Свято-Троицкий кафедральный собор, Екатеринбург,
 3 – Екатерининский горный собор, Екатеринбург, 4 – Спасо-Преображенская церковь в Кунгуре,
 5 – Большой Златоуст, Екатеринбург (разрушен в 1930, восстановлен в 2013 г.),
 6 – Богоявленский собор, Екатеринбург (разрушен в 1930 г.)

Объекты выбраны исходя из двух критериев: с одной стороны, было важно распределить объекты по временной шкале (от недавних сносов к более поздним), чтобы выявить закономерности, с другой – объекты должны были иметь большое значение для большинства горожан, чтобы сам факт существования объекта и сноса активно обсуждались.

В первых двух вопросах были предложены схематичные чертежи, которые имели больше отличительных черт, чем в первом эксперименте. В третьем вопросе было предложено выбрать одну из фотографий. Фотографии были подобраны исходя из схожих архитектурных решений, близкого расположения объектов или схожего названия. В каждом из вопросов на выбор было предоставлено шесть различных вариантов ответа (из которых лишь один был верным) и вариант «затрудняюсь ответить», позволяющий перейти к следующему вопросу. На первом вопросе, касающемся телебашни вариант «затрудняюсь ответить» выбрали 17 респондентов, во втором вопросе о доме землемера Ярутина – 53, в третьем вопросе – 40 человек.

Правильный ответ во всех вопросах был лишь один, в первом вопросе – правильный ответ № 2, во втором вопросе – правильный ответ № 1, в третьем вопросе – № 3. Правильный ответ на первый вопрос дали – 21% респондентов, на второй – 17% респондентов, на третий – 14% респондентов. Лишь два респондента (2% опрошенных) дали правильные ответы на все три вопроса, 8 (8% опрошенных) респондентов ответили верно на 2 из трех вопросов, 28 (2% опрошенных) дали один верный ответ.

Выводы

Учитывая больший по сравнению с первым экспериментом охват респондентов, можно сделать некоторые выводы о характере работы памяти в части запоминания и извлечения памяти об архитектурных объектах, сформулировать некоторые гипотезы.

1. Траектория забывания архитектурного объекта На основании ответов респондентов можно проследить зависимость – чем больше времени прошло с момента сноса, тем меньше воспоминаний сохраняется. В отсутствии постоянного обновления в памяти образ постепенно стирается и тускнеет, первыми пропадают детали, сложнее становится воспроизвести их точное расположение. Силуэт здания с характерными элементами остается в памяти дольше всего. На основании этой гипотезы выделено 4 этапа утраты памяти об объекте (рис. 5).

Рис. 5. Траектория забывания архитектурного объекта

2. Память поколений распределяется неравномерно. Эта гипотеза еще требует подтверждения, но на основании полученных данных можно предположить, что живая память охватывает примерно одно поколение. Чтобы запомнить архитектурный объект, требуется увидеть его многократно, намного сложнее воспроизвести объект, увиденный лишь на фотографиях или чертежах. Чем старше возраст респондентов, тем больше в их ответах ошибок, из 9 респондентов в возрасте от 18 до 29 четверо дали правильный ответ, трое из них правильно определили чертеж телебашни. Респондентов в возрасте от 60 до 79 было также девять, но лишь один из них правильно ответил на один из вопросов (вопрос № 3 о Екатерининском соборе). Респонденты в возрасте от 30 до 59 составляют большую часть опрошенных, они дали 45 правильных ответов на вопросы. Если оценить процент правильных ответов в каждой группе, то респонденты в возрасте 18–29 дали 14,8% правильных ответов, в возрасте 30–59 дали 18,3% правильных ответов, респонденты 60–79 лет – 3,7%.

3. Память о значимом архитектурном объекте не стирается бесследно. Когда не остается групп, хранящих живую память об объекте, она становится исключительно исторической, сохраняются чертежи, фотографии, рисунки, позволяющие узнать о прошлом, условно процесс забывания можно представить в виде 4 этапов, предполагая, что одно поколение охватывает 25–30 лет (рис. 6).

Рис. 6. Траектория забывания архитектурного объекта

Ценность продолжительных воспоминаний в архитектурной феноменологии

Обратимся к возможностям архитектурной феноменологии для объяснения результатов проведенных экспериментов. Феноменология как философский метод разрабатывалась на протяжении всего XX в. [16], но произведения, направленные на интерпретацию феноменологии в архитектуре появились только в середине века. Феноменологические идеи проникают в ис-

следовательское поле теории архитектуры, стремясь к осознанию личных переживаний, созерцания, мышления и восприятия [16].

Тема связи памяти, памятника и архитектурной феноменологии представлена в работе Л.В. Молодкиной, она стремится выяснить, «как и когда архитектурно-природный предмет достигает в сознании уровня произведения искусства, а затем при определенных обстоятельствах (это может быть связано с историческими событиями, с жизнью известной, выдающейся личности, а также со множеством субъективных, личностных моментов) приобретает качество памятника?» [17]. Ответ лежит в области восприятия: «мое «Я» интенционально переживает эти предметы как памятники» [18]. Важна при этом и разница в личностных оценках: «не каждому дано увидеть в предмете мемориальные наслоения, сделать их интенциональными и запечатлеть в сознании как памятники». Интенциональный акт сознания, направленный на здание или сооружение, ничего не изменяет в реальном физическом мире, но предмет, на который был направлен интенциональный акт, приобретает новое интенциональное, ирреальное качество, – он становится бытийной основой некоего нового предмета: храма, памятника [18]. Так исторические здания могут быть представлены в своем предметном смысле вначале как мемории, а затем как истинные произведения искусства, доступные сознанию широкой аудитории, массовому, «панорамному» зрителю [18].

С позиции архитектурной феноменологии здание или сооружение «обрастает новизной значений и смыслов в своей истории» [18]. Творческая эстафета, начатая автором-архитектором, продолжается зрителями, творческий процесс не завершается с окончанием строительства: «широкий зритель творит из строения памятник, храм, родной дом, очаг, обитель, дворец и т.д. [18]. Популяризация наследия приводит к большей осведомленности горожан о ценности памятников, влияя на их восприятие, позволяя увидеть за патиной времени красоту исторического здания, истинное произведение искусства. Повышенное внимание к нетипичному объекту городской среды приводит к активизации работы памяти.

В представлении архитектурной феноменологии память об архитектурных объектах – продолжение творческого процесса, начатого при создании объекта, следовательно, лишь когда исчезает память, жизненный цикл подходит к своему истинному завершению. Значимые исторические объекты не исчезают бесследно, сначала коллективная живая память, а затем и историческая память помогают поддерживать воспоминания, избегая забвения. Так, в Екатеринбурге даже разрушенный почти век назад собор не предан забвению.

Эксперимент с телебашней нам особенно интересен с точки зрения феноменологии. Каждый объект запоминается тем, какие чувства он вызывает. Снесенная телебашня в сочетании совершенно необычным куполом цирка, в виде «бетонного скелета», в свое время были символом Екатеринбурга. Эти объекты были хорошо видны с городской «Плотинки» – центра города. Телебашня, поставленная в низину, в яму вызывала чувство какого-то преодоления, стремления вверх, усилия, направленного ввысь. Устройство телебашни в низине – это ошибка. Но ее можно было преодолеть, поменяв типологию – устроить там общественную функцию и сохранить эту вертикаль. Вертикаль всегда вызывает сильное чувство. Цирк, выполненный с подвесным куполом свода, был столь необычен, что люди не понимали смысл конструкции. В первое время, когда цирк открыли, люди задавались вопросом: «Когда же купол остеклят?» Но этого не случилось, и все привыкли к этой особенности. Здание хочется рассматривать и постигать его смысл. Это и вызывает особые чувства. Поэтому сочетание этих объектов стало очень значимым, запоминающимся, олицетворяющим символ города. Снос телебашни повлек за собой уничтожение этого символа.

Заключение

Возвращаясь к выделенным в начале статьи тематикам и обозначенной теме исследования, стоит вновь повторить, что память материальная (в нашем случае представленная архитектурными объектами) и нематериальная (живая память горожан) взаимосвязаны. При уничтожении памяти материальной живая память, коллективная память, переходит в состояние постепенного забывания, но не утрачивается одновременно с уничтожением архитектурного объекта. Места памяти имеют высокую и принимаемую большинством групп значимость, что позволяет уберечь их от сноса. Но по мере того, как отношение к памятникам и местам памяти начинает меняться и в деревянном зодчестве современное поколение видит не наследие, а лишь развалины, возникает угроза разрушения и для них.

В архитектурной феноменологии памятники обуславливаются их восприятием как памятников зрителями, «прошлое и настоящее не отделяются, а взаимообуславливаются и взаимодополняются. Памятники могут помочь человеку вновь обрести, «отреставрировать» утраченное естественное чувство ощущения среды обитания, ее эстетики» [18].

В случае физического разрушения мест памяти еще долгое время сохраняется живая память о самом объекте. В рассматриваемом нами случае местами памяти являлись телебашня и Екатерининский горный собор. Один из объектов снесен недавно, но продолжает «жить» в разговорной речи, используется как ориентир, каждый год в дату сноса СМИ публикуют фотографии. Екатерининский горный собор снесен почти век назад, но как показал опрос, память о нем не утрачена полностью.

«Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (то есть хранить), а что подлежит забвению» [19] и культура сохранения городской памяти, пожалуй, один из самых сложно налаживаемых городских процессов, но тем больше восхищения вызывают города, способные воспитывать новые поколения, не утрачивая память и следы прошлых поколений в своей среде.

Библиография

1. Басс, В.Г. Монумент: who controls the past? Об одном механизме архитектурной коммеморации / В.Г. Басс // Социология власти. – 2017. – № 29 (1). – С. 122–155.
2. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и идентичность в высоких культурах / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
3. Лебедева, Г.В. Память и забвение как феномены: автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Г.В. Лебедева. – Екатеринбург – 2006. – 26 с.
4. Мысливец, Н.Л. Память о прошлом в семейных воспоминаниях: из опыта социологической рефлексии / Н.Л. Мысливец // Социологический альманах. – 2020. – № 11. – С. 67–75.
5. Пруст, М. Памяти убитых церквей / М.Пруст. – М. : Согласие, 1999.– 171 с.
6. Холодова, Л.П. Архитектура созерцания / Л.П. Холодова // Архитектон: известия вузов. – 2024. – №1 (85). – URL: http://archvuz.ru/2024_1/8/ doi: 10.47055/19904126_2024_1(85)_8
7. Кияненко, К.В. О феномене, структуре и духе места у К. Норберг-Шульца Submitted by / К.В. Кияненко // Архитектурный вестник. – 2008. – № 3. – С. 98–105.
8. Федорова, М.С. Утраченные архитектурные объекты Екатеринбурга, Тюмени, Челябинска и Кургана (2003–2023 годы) / М.С. Федорова, О.А. Осинцева, А.А. Окунькова. – Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2024. – 125 с. – ISBN 978-5-7996-3947-1. – EDN RTKSPY.
9. Федорова, М.С. Жизненный цикл исторических зданий и объектов культурного наследия / М.С. Федорова // Сб. мат-лов VII Междунар. науч.-практ. конф., 7–8 ноября 2024 г. / под ред. Г.Б. Захаровой. – Екатеринбург: УрГАХУ, 2024. – С. 93–94.

10. Нора, П. Проблематика мест памяти / П.Нора // Франция-память. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 17–50.
11. Козлов, В. Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2004. – № 3–4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzei-biblioteki-arhivy-v-sisteme-istoricheskoy-pamyati>
12. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М.Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – С. 8 – 27
13. Емельянова, Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. – М.: Институт психологии РАН, 2019. – 299 с.
14. Сардаров, А.С. Мемориальная архитектура. Истоки, смысл, практика / А.С. Сардаров. – М.: Русайнс, 2024. – 136 с.
15. Еремеева, С.А. Память: поле битвы или поле жатвы? / С.А. Еремеева. – М. : Дело, 2021. – 360 с.
16. Невлютов, М. Р. Феноменологические концепции современной теории архитектуры / М. Р. Невлютов // АМІТ. – 2015. – № 3(32). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskie-kontseptsii-sovremennoy-teorii-arhitektury>
17. Молодкина, Л.В. К вопросу о феноменологии памяти (на примере архитектурно-природного памятника) / Л.В. Молодкина // Вестн. МГУ. Серия 7. Философия. . – 2007. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-fenomenologii-pamyati-na-primere-arhitekturno-prirodnogo-pamyatnika>
18. Молодкина, Л.В. Феноменология архитектурного творчества / Л.В. Молодкина // Творчество как национальная стихия. Смысл творчества: инновации и Dasein : сб. ст. – СПб.: СПбГЭУ. – 2016. – С. 216–222.
19. Лотман, Ю.М. Избранные статьи. Память в культурологическом освещении / Ю.М. Лотман. Т. 1. – Таллинн, 1992. – 478 с.

References

1. Bass, V.G. (2017). Monument: who controls the past? About one mechanism of architectural commemoration. *Sociology of Power*. No.29 (1). pp. 122–155. (in Russian)
2. Assman, Ya. (2004). *Cultural memory: writing, memory of the past and identity in high cultures*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (in Russian)
3. Lebedeva, G.V. (2006). Memory and oblivion as phenomena: abstract of PhD thesis : 09.00.13., Yekaterinburg. (in Russian)
4. Myslivets, N.L. (2020). Memory of the past in family memories: from the experience of sociological reflection. *Sociological Almanac*, No. 11. pp. 67–75. (in Russian)
5. Proust, M. (1999). *In memory of the murdered churches*. Moscow: Concord. (in Russian)
6. Kholodova, L.P. (2024). Architecture of contemplation. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, No.1(85). Available at: http://archvuz.ru/en/2024_1/8/ doi: 10.47055/19904126_2024_1(85)_8 (in Russian)
7. Kiyanenko, K.V. (2008). On the phenomenon, structure and spirit of place in K. Norberg-Schultz. *Architectural Bulletin*, No. 3, pp.98–105. (in Russian)
8. Fedorova, M.S., Osintseva, O.A., Okunkova, A.A. (2024). The lost architectural objects of Yekaterinburg, Tyumen, Chelyabinsk and Kurgan (2003–2023). Yekaterinburg: Ural Federal University. ISBN 978-5-7996-3947-1. EDN RTKSPY. (in Russian)
9. Fedorova, M.S. (2024). The life cycle of historical buildings and cultural heritage sites. *Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference*, November 7–8, 2024. Zakharova, G.B. (ed.). Yekaterinburg: Ural State University of Architecture and Art, pp. 93–94. (in Russian)

10. Nora, P. (1999). Problematics of places of memory. France-memory. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, pp. 17–50. (in Russian)
11. Kozlov, V. (2004). Museums, libraries, archives in the system of historical memory. Gasyrlar avaza - Echo of centuries, No.3–4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzei-biblioteki-arhivny-v-sisteme-istoricheskoy-pamyati> (in Russian)
12. Halbwaks, M.(2005). Collective and Historical memory. The inviolable reserve, No. 2–3. pp. 8–27 (in Russian)
13. Yemelyanova, T.P. (2019). Collective memory of the events of national history: a socio-psychological approach. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. (in Russian).
14. Sardarov, A.S. (2024). Memorial architecture. Origins, meaning, and practice. Moscow : Rusains. (in Russian)
15. Ereemeeva, S.A. (2021). Memory: battlefield or harvest field?. Moscow: Delo. (in Russian)
16. Nevlyutov M.R. (2015). Phenomenological concepts of the modern theory of architecture. AMIT, No.3 (32). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskie-kontseptsii-sovremennoy-teorii-arhitektury> (in Russian)
17. Molodkina, LV. (2007). On the issue of the phenomenology of memory (on the example of an architectural and natural monument). Bulletin of the Moscow University. Series 7: Philosophy, No. 6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-fenomenologii-pamyati-na-primere-arhitekturno-prirodnogo-pamyatnika> (in Russian)
18. Molodkina, L.V. (2016). The phenomenology of architectural creativity. Creativity as a national element. The meaning of creativity: innovation and Dasein : a collection of articles, St. Petersburg, June 16–17, 2016. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics, pp. 216–222. (in Russian)
19. Lotman, Yu.M. (1992). Selected articles. Memory in cultural illumination. Vol. 1. Tallinn. (in Russian)

Ссылка для цитирования статьи

Холодова Л.П. Федорова М.С. О культуре сохранения городской памяти на примере утраченных архитектурных объектов Екатеринбурга / Л.П. Холодова М.С. Федорова //Архитектон: известия вузов. – 2025. – №2(90). – URL: http://archvuz.ru/2025_2/4/ – DOI: [https://doi.org/10.47055/19904126_2025_2\(90\)_4](https://doi.org/10.47055/19904126_2025_2(90)_4)

© Холодова Л.П., Федорова М.С., 2025

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция - на тех же условиях»). 4.0 Всемирная

Дата поступления: 01.04.2025